

ЛИНИЯ судьбы

*Воспоминания
детей
«врагов народа»*

Восьмой сборник

Нижний Новгород
2013

УДК 82-94
ББК 84 (2Рос=Рус)6-4
Л-59

Л-59 **Линия судьбы.** Воспоминания детей «врагов народа». Восьмой сборник. Составители – Фаворская И.М., Юдина Н.О. – Нижний Новгород: Издательская группа «ПРО СВЕТ», 2013. – 66 с.

Редактор – *Н.О. Юдина*
Дизайн и верстка – *В.В. Шеина*
Корректор – *Л.А. Зелексон*

Восьмой сборник «Линия судьбы» содержит воспоминания родственников тех, кого в годы сталинских репрессий называли «врагами народа». В результате ложных обвинений многие нижегородцы были расстреляны или сосланы в лагеря для политзаключенных. На долю их детей и близких выпало немало горя и тяжелых испытаний. Но это не сломило потомков невинно осужденных. Каждая новая судьба авторов серии сборников «Линия судьбы», представленная вниманию читателей, – это достойный пример силы духа и мужества, веры в людей и заботы о своих близких. Сборник предназначен для молодого поколения нижегородцев.

© Государственно-правовой департамент Нижегородской области, 2013

Норай Гургенович АРОЯН

Я родился в 1933 году в городе Ленинкане (ныне Гюмри) в Армении. Отец, Гурген Тигранович Ароян, был арестован в 1937 году по официальному обвинению «за антисоветскую деятельность», а фактически – за отказ стать секретным сотрудником НКВД. Он и мама, Астхик Геворговна (девичья фамилия Мсрян), работали учителями в школе. Как его забирали, я не помню. Мама рассказывала, что это было ночью, все дети спали. В дверь постучали, зашло несколько человек, начался обыск. Мужчины в форме перевернули все вверх дном, ничего подозрительного не нашли и забрали два мешка книг на предмет, нет ли среди них запрещенной литературы. Потом ни одной книги так и не вернули.

Подвергся репрессиям и мой дед по матери, Мсрян Геворг Минасович. Он был членом партии «Дашнакцутюн», запрещенной в советское время, потому что эта партия выступала за возвращение армянских земель, захваченных Турцией, где и теперь 9/10 части Армении находится под властью соседей. Дед собирал добровольческие отряды для борьбы с турками. Его обвинили в том, что он проводил контрреволюционную агитацию, восхваляя фашизм и делал контрреволюционные выпады в адрес партии и правительства. Заседанием «тройки» НКВД Армянской ССР в ноябре 1937 года было решено: «Мсряна Геворга Минасовича расстрелять, а лично ему принадлежащее имущество – конфисковать». Так мой дед заплатил жизнью за патриотизм. У деда было 10 детей. Один сын погиб на войне в 1941 году, другой дослужился до зва-

Н.Г. Ароян (в середине) во время поездки в места сибирской ссылки к отцу и дяде

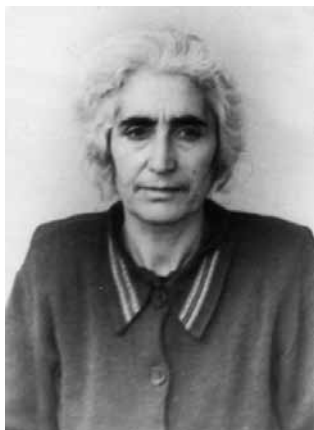
ния полковника, был в Сталинграде, третий работал в Московском кремле переводчиком, потом в Армении учителем русского языка в армянской школе. Три дочери – учителя, имели государственные награды, в том числе и орден Ленина, две – заслуженные учителя Армянской ССР, в том числе и моя мама, другие – фармацевты, железнодорожники.

Был репрессирован и родной брат моего отца, Аргашес, за то, что общался с крупным армянским поэтом Егише Чаренцем, который к тому времени уже погиб в подвалах НКВД. Сегодня его именем в Армении названы улицы и школы, есть город Чаренцаван, названный в честь поэта. До ареста в 1937 году дядя Аргашес жил и работал в Тбилиси инспектором армянских школ.

После ареста близких мама осталась с тремя детьми и со свекровью. Жили мы на одну ее зарплату учителя. Тогда моему старшему брату было 12 лет, сестре – 8, мне 4 года. Жить было трудно, а когда началась война, а вместе с ней и голод, мне было уже 8 лет. Хорошо помню, как в первый день войны взрослые с трево-

гой говорили о ней. У меня была игрушечная винтовка, и я ходил с ней целый день. Мы с ребятами играли в «войну», и никто не хотел быть «немцем». День Победы тоже хорошо помню.

Первое время, когда еще были продукты, мы жили более-менее терпимо. Через какое-то время начались голодные дни. Бабушка ходила за город, собирала всякую съедобную траву и что-то варила, иногда брала меня с собой. Часто вечерами, ложась спать, мы долго не могли уснуть от голода. Но еще мы также часто смеялись над шутками брата Арутюна. Он здорово умел шутить.

Астхик Геворговна Аряян

Никогда не забуду один зимний вечер, который мог быть роковым для нашей семьи. Это было в 1942 или 1943 году. Брат хорошо рисовал. Мы втроем – он, сестра Гоар и я – захотели поиграть в карты. Одной карты в колоде не оказалось, и брат решил на плотной бумаге нарисовать недостающую карту. Обратную сторону с извилистыми линиями воспроизвел очень точно. И кто-то из нас с сестрой спросил: «Сможешь нарисовать хлебную карточку?» Наверное, потому, что такие же тонкие извилистые линии были и на продуктовых карточках. Брат нарисовал, но не очень хорошо получилось. Начал рисовать второй раз, и получилось неплохо. Карточка была сделана на 500 граммов хлеба. Сначала мы смотрели, любовались, потом стали играть в карты. Но долго голодными не поиграешь. И кому-то в голову пришла мысль: пойти в магазин за хлебом. Мамы дома не было, бабушка была в другой комнате. Мы решили, что в магазин пойдет сестра. Был ранний вечер, сумерки, свет в магазине неяркий, и подделку в магазине могли бы и не заметить. И сестра пришла с хлебом. Черный хлеб тогда ели, как сейчас кушают шоколад. Втроем наелись и оставили маме с бабушкой. Вскоре пришла мама, спросила, откуда хлеб, и мы рассказали ей все как было. Она очень расстроилась, долго возмущалась, начала нас ругать. Потом бросила подделку в печку

и объяснила нам, что бы с нами стало, если бы поймали сестру, – папа «враг народа», и семья преступная. Поди докажи, что это было только один раз...

В 1943 году брата Арутюна призвали в армию. Ему было 18 лет. До этого он хотел поступить в авиационное училище ускоренного обучения, которое открылось в Ереване. Экзамены сдал, медкомиссию прошел, а мандатную комиссию не смог – из-за отца. Вернулся домой в Ленинакан и ждал призыва. После призыва брат прослужил в армии восемь лет. Тогда военнослужащих сержантского состава 1926 года рождения после войны не демобилизовывали, чтобы они обучали новобранцев. Брат в 1944 году подавал заявление на вступление в партию, но ему отказали, опять из-за отца.

Наша бабушка умерла в 1946 году – за год до освобождения сыновей после первого ареста. Отец вернулся после десяти лет пребывания в лагере, в Сухобезводном Горьковской области, а в 1949 году его опять арестовали и выслали в Сибирь на вечное поселение. Мне было уже 16 лет. Папу взяли днем, прямо из школы во время урока. Привезли на «виллисе» домой, обыскали дома все, но ничего не нашли. А за несколько дней до этого мой друг где-то нашел пистолет и попросил меня спрятать его, так как боялся своих родителей. Я отказался. Во время обыска, вспоминая этот пистолет, я представил себе, что было бы, если бы я взял его. Меня стала бить дрожь от этой мысли, я заплакал. Прощаясь с нами, папа мне сказал:

– Не плачь, ты остаешься один мужчина в доме. Произошла ошибка, я ни в чем не виноват. Это все раскроется, и я вернусь.

В том же 1949 году арестовали второй раз и дядю Арташеса. Братья встретились случайно в пересылочной тюрьме Тбилиси. Это случилось, когда наши родственники с маминой стороны понесли передачу для моего отца, Гургена Тиграновича Арояна, и по ошибке ее передали Арташесу Тиграновичу. Так мой дядя узнал, что брат тоже здесь. Он попросил свидания с братом, после чего их отправили в одно место в Красноярском крае. В 1952 году я поехал к ним. В то время я учился в техникуме железнодорожного транспорта – проезд был бесплатным. До этого один из дома ни-

куда не выезжал. А тут с пересадкой в Москве и в Красноярске, потом на автобусе, тоже с пересадкой, доехал до места ссылки. Дядя и отец жили в одной комнате большого деревенского дома. Отец работал истопником в школе. Один раз в месяц они отмечались в отделении милиции. Там были десятки представителей интеллигенции разных профессий. И мой дядя был истинно интеллигентный человек. Он 10 лет провел на Колыме среди уголовников, социально близких властям преступников, и все удивлялся, как остался жив в этом аду!

После демобилизации в 1951 году мой брат Арутюн поступил в педагогический институт и до конца жизни работал в одной школе преподавателем и завучем. Умер в 1991 году. Сестра тоже окончила педагогический институт. Сейчас ей 81 год.

Я в 1953 году окончил техникум железнодорожного транспорта. Первые 4 года по направлению работал в городе Карабаше Челябинской области. После аварии на заводе «Маяк» в 1957 году из-за высокой радиации вернулся в Ереван, где сначала работал на железной дороге, а потом стал работать в системе «Теплоэнерго». В начале 90-х годов в Армении наступил голод и холод из-за блокады. Жена, уроженка Челябинска, тяжело болела. В 1993 году мы с женой и дочерью переехали в Нижний Новгород, где жила сестра жены. Здесь я проработал в «Теплоэнерго» до 2006 года.

Отца и дядю реабилитировали в 1956 году. Отец вернулся домой и через три года умер от нажитых болезней. Дядя остался в Сибири, так как еще в 1937-м от него отказалась жена. В Сибири он женился, у них с женой родился сын, а потом и четыре внука.

Иван Васильевич БАКУНОВ

Мой отец, Бакунов Василий Лукьянович, родился в 1904 году в селе Ямаши Новошешминского района Татарской АССР в семье «среднякав». Отслужил два года в Красной армии в Гурзуфе, а вскоре после возвращения женился на моей матери, Анне Севастьяновне Антошкиной, из этого же села. В 1926 году родился я. По рассказам матери, отец хорошо пел и играл на гармонии. Когда мне было 2 года, родители уехали в Нижний Новгород, где отец был принят на работу на завод «Красное Сормово». Позже, когда родители обустроились, привезли и меня. Сначала наша семья снимала комнату в деревянном доме. Отец работал слесарем и был на хорошем счету. Когда организовывался Артиллерийский завод № 92 (впоследствии Машиностроительный), отца как хорошо себя зарекомендовавшего командировали туда на работу в кузнечно-прессовый цех № 3. Мать тоже стала работать на заводе в паросиловом цехе.

В 30-е годы завод развернул большое строительство жилья для своих работников. Дома в основном строились по цехам – каждому цеху свой дом. Наша семья получила комнату в одном из таких домов. Жили нормально, дети были дружными, не помню, чтобы кто-то обижал своего товарища или сквернословил. Помню, как отец своими руками сделал домашнюю мебель: кухонный стол, табуреты и как мы обычно с ним выбирали, куда пойти в свободное время – в кино или смотреть на пароходы на Волге. А еще помню, что был у нас небольшой сарайчик и поросенок Борька.

Отец и на новом месте трудился добросовестно, был человеком обязательным, непьющим. Работал помногу, часто и во внеурочное время, когда завод выполнял какой-нибудь правительственный заказ. А время было уже тревожное (еще не предвоенное, но многие понимали, что война, скорее всего, будет).

Приближался 1937 год. В стране началась известная всем кампания по чистке рядов от «враждебных элементов». Поскольку завод выполнял военные заказы, связанные с вооружением Красной армии, людей, работавших на нем, это коснулось в первую очередь. Под подозрение попадал практически каждый. Посылалось множество запросов в разные уголки страны. Видимо, был запрос и на моего отца в село Ямаши. Знаю, что бывший председатель сельского Совета Пицаев (имя и отчество мне неизвестны), предоставил ложную информацию, причислив семью отца к кулакам и обвинив его в бегстве из села. Мне не хотелось бы называть причину этого оговора. Дело это сугубо личное и касается моей матери.

В начале ноября 1937 года, к годовщине Октябрьской революции, вышел приказ о награждении работников завода, особо отличившихся в труде, ценными подарками. Мой отец очень обрадовался, когда узнал, что его награждают именными часам. Награждение должно было состояться на общезаводском собрании. Но часы в последний момент почему-то не вручили. 11 ноября отец пришел домой поздно (выполняли срочный заказ), даже ужинать не стал от усталости, бросил на пол пальто и тут же на нем уснул. Через некоторое время раздался стук в дверь. Вошел домком, а за ним еще несколько человек. В квартире произвели обыск, но ничего не нашли. Отца забрали. Сначала его содержали в городской тюрьме. Матери удалось его навестить. Она пыталась выяснить, в чем его обвиняют, писала жалобы через адвоката в Москву, даже Сталину. Спустя длительное время я узнал, что все эти письма и жалобы из города не выходили. Их забирали в НКВД и присылали обратно по месту работы.

Через некоторое время матери сообщили, что ее муж обвиняется в антисоветской пропаганде и осужден на 8 лет лишения свободы. Весной 1938 года его и еще сотни таких же осужденных

Василий Лукьянович Бакунов

отправили эшелоном в Ташкент. Мы с матерью узнали время отправления и смогли хотя бы издалека его увидеть. Это было последнее наше свидание.

После отправки никаких вестей от отца не было. Моя мать пыталась навести справки, делала запросы по месту нахождения исправительного лагеря. Ответа не было. А в сентябре 1938 года на ее имя пришла телеграмма, где сообщалось, что «заклученный Бакунов Василий Лукьянович умер 19 июня 1938 года».

На тот момент мне еще не было и 12 лет. Мать с завода уволили, а я на многие годы стал сыном репрессированного. Из квартиры, правда, нас не выселили, а мать через некоторое время устроилась на работу в столовую. Много людей я повидал с тех пор за свою жизнь – и хороших, и плохих. Многие все понимали и сочувствовали, многие сами так же потеряли близких. Были и такие, которые могли злорадно бросить нам с матерью: «А что, вас еще не арестовали?»

Прошло много лет, я стал взрослым. Начал работать на том же заводе, где трудился мой отец. Специальность его я тоже унаследовал. Мне нравилось слесарное дело, и работать я, как и отец, старался добросовестно. В конце 40-х по стране опять прокатилась волна «чисток». В 1949 году мне как сыну репрессированного пришлось из цеха уволиться. К счастью, мне сразу предложили работу слесаря в заводском Доме культуры «Победа». Там я и проработал всю свою трудовую жизнь.

В 1956 году я написал заявление в НКВД с просьбой о реабилитации моего отца. И только в 90-е годы смог ознакомиться

с некоторыми подробностями из его дела. В 1995 года меня пригласили в нижегородский КГБ на улице Воробьева. Проводили в специальную комнату, где было четыре стола. Я сел за один стол, женщина подала мне бумагу: расписаться, что не буду мстить причастным. После дала документы, вернее, протокол допроса «свидетелей» по делу моего отца (расследование и допрос проводились в 1956 году). Это был машинописный текст на нескольких страницах. Я начал читать. Вот следователь задает вопрос женщине, которая в цехе занималась подпиской на государственный заем: знала ли она Василия Лукьяновича? Женщина не помнит. Следующий вопрос: «Были ли случаи, чтобы кто-то агитировал против подписания займа?» Женщина отвечает: «Да что вы, тогда разве можно было?» Следователь спрашивает еще какого-то мужчину: «Занимался агитацией кто-то?» Мужчина не помнит ни про агитацию, ни Василия Лукьяновича Бакунова. Следователь уточняет: «Но здесь ваша подпись стоит. Вы были в управлении НКВД, Вас вызывали?» Мужчина отвечает, что его вызывали по другому вопросу. А то, что он подписался как свидетель по делу моего отца (которого не знал), мужчина не помнил. Третьего подписавшегося и вовсе не нашли. Выбыл из Горького в Москву в неизвестном направлении. И найти следов пребывания не было возможности...

В марте 1957 года Бакунов Василий Лукьянович был реабилитирован. Посмертно.

Герман Германович ГОФМАН

Мой отец, Гофман Герман Германович, немец по национальности, заместитель начальника ОТК Ярославского электромашиностроительного завода по должности, был расстрелян накануне 1938 года по обвинению в принадлежности к некой «немецко-фашистской шпионско-диверсионной» группировке. Через 20 лет, правда, оказалось, что никакой группировки не было, и отец был посмертно реабилитирован за отсутствием состава преступления. Передо мной даже извинились!

Такого буквального совпадения не только фамилии, но и имени-отчества с отцовскими данными у меня не было бы, останься я надолго малышом под «государевым оком». Из ярославского распределителя, куда меня забрали после ареста родителей, перевести меня должны были в детский дом, где мое «ФИО» автоматически подлежало замене на другое, более «благозвучное». 28 августа 1941 года был издан Указ Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья». На самом деле речь шла об их всеобщей депортации на всей территории СССР. В результате более миллиона немцев было направлено на лесоповал и в шахты на вечное поселение в районы Сибири и Дальнего Востока. Очень сомневаюсь, что с оставшейся после ареста родителей бабушкой Кларой, матерью отца, мы бы на этом лесоповале выжили.

Бабушка моя, случайно узнав о моем местонахождении (вместо «воссоединения с матерью», как ей было сказано), стала ежедневно ездить в этот распределитель, как на работу. Неизвестно, чем

бы все это кончилось (в одном кабинете ей сказали: «Вы что, советской власти не верите?»), если бы неизвестно под какие обещания, клятвы, расписки ей не удалось-таки заполучить трехлетнего сына «врага народа» и спрятать его в деревне под Ленинградом.

Неудивительно, что такой жизни бабушка выдержала только около года, а потом умерла. Взяла меня в свою семью мамаина сестра, Ольга Архангельская из Ленинграда, ставшая мне второй матерью. Муж ее, Павел Алексеевич Архангельский, был доцентом Ленинградского технологического института, преподавал органическую химию.

Родственники Г.Г. Гофмана

Так я стал почти ленинградцем. «Почти» – потому что шел уже 39-й год и долго пожить в Ленинграде мне не удалось. Если бы через два года не началась война, наверное, меня бы отдали в школу. И, может быть, одним из наиболее безобидных вариантов, не вызывающих лишних вопросов, было бы присвоение мне фамилии моих новых родителей – Архангельских.

Однако вместо этого через два с небольшим года я уже трясся в товарном вагоне вместе с тетей Олей и ее дочерью, на десять лет старше меня, по дороге в эвакуацию. Павел Алексеевич успел нас эвакуировать, а сам остался в Ленинграде, где разделил судьбу многих людей, не переживших блокадный голод. По дороге наш поезд уже бомбили, но он все-таки довез нас до города Муром, где жила с семьей другая мамаина сестра, Мария. К слову сказать, дружная и многочисленная семья Раевских всего насчитывала 7 сестер и 3 братьев.

«Отдыхавшись» у нее в течение двух лет, мы решили переехать в Москву, куда народ уже стал возвращаться по своим до-

Слева направо: Герман, Володя, Рая, Юра – дети тети Паши

мам. На этот раз приняла нас еще одна сестра мамы, Павла, вернувшаяся со своими тремя детьми из эвакуации.

Но когда же мне в школу-то? И тот же вопрос: как быть с моей фамилией? Война в разгаре, муж тети Паши – офицер, у всех кругом повышенная бдительность. Например, каждый дворник в столице должен был сообщать «наверх» обо всех подозрительных жильцах своего дома. А тут вдруг появляется какой-то Гофман! Да по одной фамилии бдительные горожане сразу распознают во мне «врага народа»!

Но мудрая моя тетя Паша объяснила в школе: сестра Лиза Раевская – фельдшер на фронте, в эвакуации оформить документы не успели, а учиться-то надо! И по 4-й класс включительно, на целых четыре года, я стал Раевским. Так появилась моя вторая фамилия.

Мама к тому времени отсидела свой срок, положенный «члену семьи изменника Родины», и мы встретились с ней, когда мне исполнилось уже 12 лет. Нужно было где-то жить. В Москве, как и в других крупных городах, маму, естественно, не прописывали,

и мы с ней поселились в деревне Орлово под Муромом, куда я и пошел в 5-й класс.

Здесь я снова, и уже окончательно, вернулся к своей и маминой фамилии – Гофман. Там же и окончил среднюю школу и поехал пытаться счастья в Москву. К этому времени я уже узнал многое о своих родителях (на дворе шел 1953 год) и как настоящий комсомолец честно признавался во всем в своих анкетах.

Несмотря на внушительную сумму баллов, набранную на экзаменах, в МЭИ (Московский энергетический институт) меня не приняли, а в институт химического машиностроения я не прошел даже на курсы подготовки на следующий год. Что ж, пойдем во фрезеровщики! Поступил я на завод «Молния» и проработал там до следующего учебного года. В 1954 году выбрал институт «по-проще» – Московский институт народного хозяйства им. Г.В. Плеханова, но в биографии уже «не раскрывал душу». Да и набрал «с перепугу» 29 баллов из 30!

С тех пор, с окончания этого вуза в 1959 году, Нижний Новгород стал моим родным городом, а я из бывших «двух с половиной» фамилий остался с одной-единственной. И слава Богу!

Тамара Петровна ГУБИНА

Правду о жизни своих родителей, об их трудной судьбе я узнала фактически перед самой смертью папы, в 1975 году, когда мне было уже 30 лет.

Я родилась в 1945 году на поселении в Казахстане, куда были высланы мои дедушки и бабушки со своими семьями как враги народа. Бабушка по материнской линии, Помогаева Татьяна Васильевна, будучи уже вдовой с четырьмя детьми, была отправлена из Курской области. По ее рассказам когда-то их семья жила обеспеченно, имела большой дом, сад, свое хозяйство. Все было нажито своим трудом. Когда пришли их раскулачивать, бабушке удалось спрятать у соседей швейную машинку «Зингер». И при посадке в товарный поезд она передала ее в окно детям. А когда сама попыталась войти в вагон, солдат отстранил ее и ударил прикладом. Бабушка упала, а поезд уже тронулся. Она стала плакать, умолять посадить ее – там же ее дети! Они тоже кричали, плакали. Один солдат сжалился, разрешил бабушке сесть в вагон. Ехали они долго – голодные, в холодных вагонах. Из тех, кого выслали зимой, многие умирали в дороге.

Большая семья моего отца, Петра Кирилловича Губина, была выслана из Воронежской области. Дедушка (по словам отца) был отправлен в Сибирь, после чего дальнейшая судьба его неизвестна.

Со всей страны спецпоселенцев, среди которых было много стариков и детей, свозили в голую казахстанскую степь. Своими силами они организовывали поселки, которым вместо названий

Тамара Петровна Губина (стоит справа) с мамой (сидит) сестрой,
дочерью и племянницей

присваивались номера: 1, 2, 3 и т. д. (поселок, в котором я росла, значился под номером 9). Люди стали понемногу обустроиваться: рыли землянки, позже стали строить жилье из глины, соломы, пахали землю, сажали огород. Но жили все равно впроголодь. Собирали в степи дикий лук для еды, чеснок, паслен, заячью капусту, какие-то корешки. От недоедания дети и взрослые часто болели, кружилась голова. Помню, мама иногда варила из муки суп-затируху, кашу. Так и выживали.

Мой папа был строителем железной дороги. Если не выполнялась дневная норма, рабочие лишались хлебного пайка – 200 граммов. Среди переселенцев начались вспышки сыпного тифа. Многие тогда умерли от холода, голода и болезни. Бабушке и ее детям удалось выжить благодаря швейной машинке. Она была хорошей портнихой, обшивала весь поселок. В благодарность за это люди приносили кое-какую еду.

Когда мои родители, Анастасия Филипповна и Петр Кириллович Губины, создали семью, они сразу же завели хозяйство, стали сажать огород. Папа уже работал комбайнером в колхозе. Помню, как мама сдавала налоги молоком, яйцами, другими продуктами. Да так, что самим почти ничего не оставалось.

Во время войны папа был тружеником тыла, выращивал хлеб для фронта. Был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». Старшему брату моей мамы – Алексею удалось убежать из поселка. Он долго прятался в лесах. А когда закончилась волна репрессий, уехал в Донецк, женился, вырастил двух дочерей, дал им образование. Одна из них живет в Москве, а ее сын работает хирургом в больнице Нижнего Новгорода. Младший мамин брат героически погиб под Курском во время Великой Отечественной войны. Бабушка всю жизнь получала пенсию за погибшего сына.

Я после школы поступила в медицинское училище в Караганде. Потом работала и училась на вечернем отделении мединститута. До выхода на пенсию проработала санитарным врачом в городской санэпидстанции. Вышла замуж, у нас родилась дочь, которая окончила педагогический институт и уехала жить на Север. После выхода на пенсию я уехала к дочери в Ноябрьск, а в 2002 году по состоянию здоровья переехала в Нижний Новгород.

У меня есть сестра и два брата, которые до сих пор живут в Казахстане. Там же похоронены мои родители и бабушка. Несмотря на трудную жизнь, она прожила до 98 лет.

Мария Федоровна ГУСКОВА

Я родилась в 1953 году в деревне Николаевка Воротынского района Горьковской области. Предки моего отца, Федора Васильевича Пятова, испокон веков жили в Воротынском районе. Его родители обосновались в Николаевке. Они отличались необычайным трудолюбием. В семье дедушки с бабушкой было шестеро детей (три сына и три дочери). В 1912 году они своими силами построили большой дом. Моему отцу тогда было 5 лет. По его рассказам, он тоже принимал участие в строительстве: помогал загружать кирпичи в телегу, сам запрягал лошадь, которой сам и управлял. Хозяйство было крепким: много скота, большой участок земли, который обрабатывали всей семьей.

В 1931 году, когда полным ходом шла коллективизация, в дом зачастили уполномоченные разного сорта. В результате из амбаров дедушкиного хозяйства было вывезено все зерно. На вопрос дедушки, чем он будет кормить семью, последовал грубый ответ, что их не интересует семья, а хлеб нужен государству. Также увели скот. Было пролито немало слез. Бабушка заболела и надолго слегла. Но жизнь продолжалась. Все помаленьку приходили в себя, привыкая к новым условиям жизни. Все члены семьи работали в колхозе за «палочки».

Отец, как и все дети, окончил пять классов школы в Николаевке, был довольно грамотным. В 1938 году он женился на Александре Васильевне, моей будущей маме. В 1940 году родился мой брат, Алексей, который до сих пор проживает в Воротынском районе в деревне Чугуны.

Федор Васильевич Пятов (в центре)
после тюрьмы, 1952 год

Иван Васильевич Пятов,
1946 год

Родители были очень трудолюбивые, как дедушка с бабушкой. Они завели хозяйство: корову, овец, кур, гусей. Жить продолжали в том же доме. Место было сырое, электричества не было. Пользовались керосиновой лампой. Участок земли был очень крутой, вдоль реки Имза. Землю пахали, запрягая себя в плуг.

Приближалось военное время. 22 июня 1941 года отец возвращался на пароходе из Казани, куда ездил продавать картофель. Услышав объявление о начале войны, он сошел на ближайшем причале, чтобы зарегистрироваться в военкомате. Поскольку время еще было, ему разрешили доехать до дома, попрощаться с семьей.

В регистрационном пункте он был зачислен радистом и отправлен на Ленинградский фронт. Начались бои. Связь надо было налаживать в самых недоступных болотистых местах. Сформированная бригада из девяти человек с большим грузом на плечах не раз рисковала провалиться в болото. Отец успокаивал всех, подбадривал и постоянно твердил: «Выйдем, выйдем, будем героями». Но у его сослуживцев надежды таяли, силы иссякали, ослабевших приходилось тащить на себе.

Измученные, не похожие на себя, в болотной тине, они вышли к своим. Их тотчас же арестовали, не дав сказать ни одного слова.

Следом без всяких объяснений им объявили: «Вы являетесь врагами народа и приговариваетесь к расстрелу».

*И головы седели, пронзало вены с головы до пят,
Ведь дома сын, жена. Да как они сумели?
Неужели семью известят?!
На расстрел выгоняли утром рано –
Каждый выстрел бороздил кишки.
Что? Разве Бога нет уже на свете –
Мысли путались, и ноги как мешки.
Пить и есть? Нет, ничего не надо.
И вдруг окрик: Пятов, выходи!
Вдруг тело чем-то обожгло все разом...
Да, умер я! Нет больше ничего!
Свинцовые подошвы закипели,
Кровь из ушей, туманятся глаза.
Да что они, совсем уж очумели?
Что тянут? Умер я, и, баста, навсегда!*

Отец уже ничего не слышал. Вдруг донеслось: «Десять, десять». Что это значило? Оказалось, что расстрел был заменен на 10 лет тюрьмы. Отца перевезли в архангельскую Екатерининскую тюрьму. Он рассказывал: жить не хотелось даже в тюрьме. Заключенные помогали ему чем могли, психика была на грани. Был момент, когда он уже не вставал с постели. Но молодость все же взяла верх. Нам он о себе не сообщал.

Известие о том, что отец жив, пришло к нам только по окончании войны. Радости нашей не было конца. Товарки даже завидовали маме: отсидит и вернется, а наши никогда! Такова была жизнь...

Отсидев срок от звонка до звонка, отец вернулся домой. Все радовались, что война давно позади, а в моей семье радовались тому, что отец остался жив. Один из той бригады. Спустя какое-то время его вызвали в военкомат и торжественно вручили удостоверение участника войны, дающее право на все льготы. Также отец был награжден орденом Отечественной войны и десятком меда-

Федор Васильевич Пятов

лей. Всю жизнь прожил он со смешанным чувством правды и несправедливости.

В 1953 году родилась я, а через шесть лет – младший брат Василий. Наши родители продолжали жить в своем доме в Николаевке. Отец снова возродил хозяйство. Первым на селе купил автомобиль.

Моя жизнь благодаря папе сложилась наилучшим образом. Он помог мне в Горьком купить дом, который потом снесли, и я переехала в квартиру. Окончив Горьковское медицинское училище № 2, я проработала по своей специальности до пенсии.

Вышла замуж, вырастила двоих детей и двух внуков. Все мы живем в Нижнем Новгороде. Одна дочь имеет среднее техническое образование, другая – высшее. Обе работают, имеют семьи.

Мой старший брат, Алексей Федорович, всю жизнь проработал в сельском хозяйстве, женат, у него два сына и внука. Взрослые все работают на селе, живут в достатке. Младший брат, Василий Федорович, живет в Лыскове. Проработал пожарным, получил инвалидность. У него жена, дочь, двое внуков. На жизнь никто не жалуется.

Отец всю жизнь молчал о том, что с ним было, и никому, кроме меня, ничего не рассказывал. Как его бригада оказалась в болоте, как он попал в заключение и что там видел за десять лет. За четыре года до смерти он ослеп, и я его взяла к себе на постоянное место жительства. Родителей не стало в 2008 году. Дожив до 91 года, отец так и не узнал, что была всеобщая реабилитация жертв политических репрессий. Я случайно познакомилась с людьми, которые много рассказывали о «врагах народа», о существующей общественной организации защиты прав жертв политических репрессий. Набравшись смелости, я рассказала об отце. Меня направили в городской архив, и там я нашла документы по его делу. Вот такова история моей семьи, каких немало.

Владимир Аркадьевич ДОЙНИКОВ

Я родился в 1929 году в Нижнем Новгороде в семье служащих. Мой отец, Дойников Аркадий Александрович, 1893 года рождения, и мать, Дойникова Клавдия Ивановна, 1895 года рождения, были крестьянского сословия и являлись уроженцами села Гнилицы Нижегородской губернии.

Отец начал работать в 12 лет маркировщиком товаров на пристанях. После начальной школы окончил учительскую семинарию в г. Арзамасе, жил на стипендию. До революции учительствовал в сельских начальных школах и в Сормове. С 1927 года работал заведующим кафедрой педагогики в Сормовском педагогическом институте. В 1930 году был направлен на учебу в аспирантуру Московского научно-исследовательского института марксистско-ленинской педагогики. С 1931 года был доцентом кафедры педагогики Сормовского педагогического института, членом горсовета и председателем крайкома Союза работников высшей школы. Работа кафедры педагогики в направлении организации новой советской школы высшего образования была признана образцовой. Отец прошел партийную чистку в 1929 году без единого партийного взыскания. После чистки никаких взысканий не получил.

Мать в 1930 году окончила Нижегородский государственный университет и, пройдя специально установленный в то время испытательный стаж практической работы в школе, получила «аттестат РСФСР на звание учителя средней школы». Это дало ей возможность поступить в конкурсном порядке на работу преподавателя физики в самую образцовую в то время школу № 8

Клавдия Ивановна Дойникова,
годы учебы

Лев Аркадьевич Дойников, студент
строительного института

Нижегорода (современный Выставочный зал на площади Минина).

Отца арестовали 4 апреля 1936 года. Выездная сессия Военной комиссии Верховного Суда Союза ССР на закрытом заседании в Горьком 19 июня 1936 года обвинила его в том, что он якобы являлся членом троцкистско-зиновьевской террористической организации и в Сормовском пединституте пропагандировал троцкистские взгляды в области школы в своих высказываниях, письменных трудах, лекциях. Комиссия приговорила его к тюремному заключению сроком на 10 лет с поражением в политических правах на 5 лет и с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества. Заседание проходило без свидетелей, без привлечения к указанному обвинению мнения партийной организации, в которой состоял отец.

После ареста отца мама неоднократно обращалась в различные инстанции Горького и Москвы с просьбой пересмотреть дело своего мужа, однако ответа или каких-либо сведений о его месте пребывания не поступало. А вскоре, 28 ноября 1937 года (спустя год после ареста отца), она была сама арестована, осуждена по статье «как

член семьи изменника Родины» к заключению в исправительно-трудовом лагере сроком на 5 лет и отправлена в Акмолинский лагерь «жен изменников Родины» (АЛЖИР 26).

После ареста мамы мы с братом (мне было 8 лет, брату – 11) должны были получить направления в различные детские дома. Но судьба распорядилась по-другому. По настоятельной просьбе родной сестры мамы, Крыловой Марии Ивановны, и ее мужа Крылова Петра Ивановича мы с братом были взяты на воспитание в их семью, уже имевшую троих детей: Ирину 11 лет, Юрия 5 лет и Наташу 2 лет. Дядя Петя и тетя Маня были уроженцами того же

Петр Иванович Крылов,
1940-е гг.

села, что и мои родители, и знали моего отца практически с самого детства. К тому времени они получили высшее образование: тетя была преподавателем начальной школы, дядя работал в качестве инженера-механика на Нижегородском заводе сельскохозяйственного машиностроения им. Воробьева. После нашего появления в их семье тетя бросила работать и полностью занялась воспитанием детей. Жили мы в Нижнем Новгороде в маленькой двухкомнатной квартире одноэтажного деревянного дома старой, дореволюционной постройки.

Дядя был уникальным человеком. Будучи хорошим специалистом в своей профессии (ушел на пенсию в должности начальника производства завода), он обладал врожденным талантом воспитателя и педагога. Кроме прекрасного школьного образования мы все с раннего детства получили в его семье много трудовых и творческих навыков. В тяжелые военные годы и годы восстановления страны эти навыки помогли нашей семье не только выжить, но и всем пятерым детям получить высшее образование. Одновременно он был нашим духовным отцом и научил нас быть преданными

своей профессии, любить труд, радоваться даже мелким достижениям своего творчества, быть честными и искренними по отношению к себе и окружающим, беззаветно любить нашу природу и Родину. В этот же период нашей жизни мы, дети, не могли не видеть его озабоченности судьбой моего отца, когда, рискуя своим положением и жизнью всей нашей семьи, он стойко боролся с наветами провокаторов на допросах и дознаниях по делу моего отца. Он не был членом партии, но беззаветно поддерживал ее генеральную линию и, как и моя мать, до конца жизни говорил, что провокационные наветы тщательно готовятся западными службами преимущественно на самых честных и преданных коммунистов с целью ослабления нашей страны.

Нападение Германии на нашу страну 22 июня 1941 года было полной неожиданностью для всех, так как незадолго до начала войны, 23 августа 1939 года, с Германией был заключен пакт о ненападении. Нас, детей, старшие строго предупреждали, чтобы в разговорах и песнях не звучала военная тематика, нарушающая миролюбивые отношения с Германией.

Начавшаяся война больно ударила по нашей многодетной семье. Неожиданно быстро исчезли в магазинах продукты, появилась карточная система распределения, надвигался голод, и в семье было решено отправить меня в село Гнилицы к родителям мамы: дедушке и бабушке. Каждому из них было тогда за 70 лет, оба были больны и без посторонней помощи уже не могли вести хозяйство, чтобы помочь нашей семье выжить в условиях города. Там я поступил учиться в 7-й класс сельской школы № 16 Автозаводского района.

Село наше до войны было зажиточным и славилось как одно из красивейших дачных мест в окрестностях Горького. Однако после подписания пакта о ненападении сельское население, поверив в дальнейшую мирную жизнь, не сделало традиционных запасов продовольствия впрок. В это же время были урезаны приусадебные участки земли, и трудоспособное население ушло работать на автозавод, который в начале войны превратился в крупнейшее оборонное предприятие и в дальнейшем снабжал фронт танками и самоходными орудиями. Село стало пригородом промышленного района и так-

же стало нуждаться в продовольствии, как и город. Вся тяжесть войны упала на ту часть населения, которая осталась в колхозе. Мы, школьники, летом работали в колхозе на подсобных работах, а зимой учились. По карточкам тогда давали по 300 граммов хлеба на человека (тем, кто работал на заводе, по 800 граммов).

Больше всех страдал дедушка. Я и мои школьные товарищи пытались его спасти, подкармливали его теми дарами природы, которые мы добывали в свободное от работы и учебы время. Однако наши усилия оказались напрасными: дедушка слег и осенью 1942 года, когда немцы предприняли первый самый интенсивный налет на автозавод, уже не мог встать и остался лежать в постели, когда все ушли в убежище. В эту первую бомбежку автозавода сильно пострадало наше село, и мы потеряли троих человек из нашего 7-го класса.

В 1943 году сначала дедушка, а за ним и бабушка ушли из жизни. Я остался один, заболел, начались признаки дистрофии. Моя мама, находясь в то время в заключении в Казахстане, в Акмолинском лагере, почувствовала мое бедственное положение и обратилась к начальнику лагеря с просьбой отпустить ее в Горький за сыном, чтобы привезти его в лагерь. Начальником этого лагеря был генерал Баринов (инициалы не помню), известный в то время военачальник – герой Гражданской войны. Рискую своим положением, он негласно отпустил маму на десять дней (до конца срока заключения ей необходимо было прожить в лагере еще один год).

Путь в Казахстан для нас с мамой был очень тяжелым, так как был разгар войны и поезда ходили преимущественно на запад, чтобы помочь фронту. Было много пересадок и ночных ожиданий на вокзалах. Чтобы выжить в дороге, мама продала всю хорошую одежду и те подарки, которые она получила в Горьком, кратко- временно посетив семью моего дяди. Мы очень торопились, но все же опоздали на несколько дней, и это очень беспокоило нас.

Прибыв в лагерь, мы сразу отправились к начальнику лагеря. Он жил на территории лагерного городка с женой и двумя сыновьями. Он был почему-то в парадной одежде с орденами, поговорил с мамой, и помню, как, подойдя ко мне, положил руку мне на

плечо и долго смотрел мне в лицо своими усталыми и, мне показалось, добрыми глазами, после чего сказал: «Что ж, будем жить».

Как сейчас помню, в этот момент мне его стало жаль, потому что он связал свою жизнь с судьбой нашей семьи и в любое время мог быть репрессирован, как и мой отец. Позднее меня мучила догадка, вернее, предположение, что он к этому времени уже был репрессирован, так как не был востребован как военачальник и боевой генерал в первые годы войны, где бы принес для страны гораздо большую пользу, чем на посту руководителя женского лагеря политзаключенных.

Лагерные врачи лечили меня странным способом. Они не давали мне никаких лекарств, а несколько дней отпаивали хлебными дрожжами, приготовленными в виде напитка, который каждый день привозили из лагерной пекарни. Здесь, в больнице, я впервые в жизни почувствовал вкус настоящего пшеничного хлеба без посторонних добавок.

Мама работала директором лагерной школы, и мы жили в ее помещении. Мне надо было поступать в 10-й класс, а школа была восьмилеткой. Среди преподавателей 8-го класса были уникальные педагоги, которые до заключения преподавали в московских вузах. Я посетил несколько уроков в этом 8-м классе и без колебаний снова поступил учиться в 8-й класс. Я потерял один год учебы, но ничуть не раскаивался. Этот год, проведенный в Казахстане, я считаю самым счастливым годом моей жизни. Здесь я встретился с замечательными людьми, учился у выдающихся преподавателей, узнал истинную ценность настоящей мужской дружбы и пережил первую романтическую любовь.

Но больше всего меня восхищал лагерный город, его быт и люди. Он был построен в морозную зиму 1937 года в голой степи в основном руками заключенных женщин. Многие из них погибли в самом начале стройки от холода и неприспособленности к тяжелой физической работе. К нашему приезду в 1943 году это был вполне современный город, который, имея свое мощное натуральное хозяйство, не только обеспечивал продовольствием свое население, но и в течение всей войны снабжал фронт продовольствием и одеждой.

В 1939 году лагерь был расконвоирован. Внешнюю охрану практически убрали, и заключенные жили как в свободном городе, с той лишь разницей, что они не могли покинуть город до конца срока своего заключения. Город и его быт были уникальными. В городе, как и во всей стране, была карточная система, но никто не ощущал недостатка в продовольствии, так как хлеб и другие продукты можно было купить в магазинах, как это было до войны. В домах не было запоров, и двери никогда не запирались. Не было ни одного случая хищения или воровства. В страдную пору уборки урожая, когда город был буквально завален дарами целинной земли, овощи и фрукты лежали повсюду на земле без охраны, и никто к ним не прикасался. И даже вольнонаемные мужики, приезжавшие устраиваться на работу в город-лагерь, никогда не нарушали его культурного уклада, и мы никогда не слышали в этом городе грубых выражений и нецензурных слов.

Год освобождения мамы совпал с годом окончания войны. Мы возвращались домой, в Горький, когда вся страна ликовала, празднуя победу над Германией. Я поступил в 10-й класс той же сельской школы и жил один в доме деда. Село Гнилицы оказалось в городской черте. Мама не могла получить горьковскую прописку, так как она не была еще реабилитирована. Однако она смогла устроиться на работу в центре города и жила нелегально, ночуя в помещении школы, в которой преподавала.

От папы по-прежнему не было никаких вестей. Каждое воскресенье, преодолевая 50-километровый путь от города до деревни, мама привозила мне продукты на неделю. Помню, как в зимние вечера мы с ней грелись у печки единственной отапливаемой комнаты дедушкиного большого дома, и она очень страдала, что с нами не было ее старшего сына. Он в это время уже окончил Горьковский строительный техникум, поступил в институт и жил в общежитии.

Окончив 10 классов, я подал заявление в Горьковский государственный университет на радиофизический факультет. В анкете я писал, что отец мой умер в 1937 году, а мать работает учителем. Радиофизический факультет в то время считался очень престижным (на одно место было четыре заявления). В то время был разгар холодной войны, и я знал, что радиофизический факультет

будет нацелен на выпуск специалистов по разработке новейших достижений науки и техники, связанных с оборонной тематикой. Шансы мои поступить на этот факультет были малы, однако я, успешно пройдя конкурсные экзамены, был принят на радиофак. В процессе учебы я заметил, что все же чем-то отличаюсь от других сокурсников. Так, при распределении после получения диплома радиопизика-исследователя я был направлен не в научно-исследовательский институт, как многие другие студенты, а в числе шести выпускников получил направление на Горьковский авиационный завод. Только впоследствии я узнал, что пять человек из этой группы имели судьбу, близкую моей.

В это время завод срочно осваивал новейший сверхзвуковой истребитель-перехватчик, впервые в советской авиационной практике оборудованный радиолокационной станцией перехвата и прицеливания и способный обнаруживать цели в любых метеоусловиях. В сложной обстановке того времени (карибский кризис) наш небольшой коллектив радиоинженеров в короткий срок сумел решить ряд важнейших технических проблем, возникших в процессе реальных испытаний этих первых образцов самолетов, и вскоре перейти к их серийному выпуску. В это время я впервые получил благодарность и премию за разработку и внедрение специального устройства для устранения помех на экране радиолокационной станции, вызванных резонансными колебаниями зондирующих сигналов станции в воздухозаборнике самолета. Так как большинство наших творческих работ были закрытыми (мой брат тоже работал в «закрытом» предприятии), мама, опасаясь непредвиденных трудностей в нашей дальнейшей работе, обратилась с письмом к генеральному прокурору СССР Руденко с просьбой пересмотреть дело моего отца и ускорить реабилитацию.

Привожу это письмо дословно.

Генеральному прокурору СССР Руденко от учительницы Горьковской средней школы Дойниковой Клавдии Ивановны. Заявление.

Прошу пересмотреть дело моего мужа Дойникова Аркадия Александровича, осужденного выездной сессией Военной коллегии Верховного суда СССР 19 ноября 1936 года в городе Горьком. Его дело пересматривалось, и вторично он был осужден постановлением судебной тройки НКВД Ленин-

градской области. Со дня ареста по настоящее время я о нем ничего не знаю, сообщений от него не получала; или он лишен возможности сообщить о себе, или надо считать его умершим.

Я, жена Дойникова А.А., Дойникова К.И., проживаю в городе Горьком и работаю учительницей 40 лет. С мужем мы прожили 17 лет, имеем двух сыновей. Ныне они оба окончили высшие учебные заведения и работают инженерами.

Своего мужа Дойникова А.А. я знаю с раннего детства, так как мы оба дети крестьян одного села, росли и учились вместе, упорным трудом добились образования и средств к существованию. В годы совместной жизни в советское время мы оба получили высшее образование.

Дойников А.А – очень требовательный к себе, всегда работал над повышением своей деловой квалификации и коммунистическим развитием. В первые годы после Октябрьской революции он был выдвинут на руководящую работу по народному образованию. Новая советская школа тогда только что создавалась, и мой муж, сперва инспектор школ, затем заведующий отделом народного образования, со всей ответственностью и серьезностью проводил директивы генеральной линии партии о ее построении. Свой накопленный опыт по строительству новой школы он осветил в ряде статей периодической печати, а также в книгах, вышедших отдельным тиражом. Позднее, окончив аспирантуру в вузе, где также глубоко и серьезно относился к подготовке молодых педагогов, воспитывая их в духе тех новых задач, которые были выражены в это время в постановлениях партии и правительства о школе. Таким я знала моего мужа всю жизнь, и поэтому его арест и наказание являются несоответствующими всей его жизни и работе.

Сыновья наши: старший – Лев Аркадьевич Дойников – 28 лет – инженер-архитектор, работает в Башкирской ССР на строительстве города Салават в системе МВД. Второй – Владимир Аркадьевич Дойников – 25 лет – физик-исследователь, работает на Горьковском авиационном заводе по радиолокации. Получив высшее образование и отдавая все свои силы и знания на строительство нашей Родины, они одновременно много переживают в связи с такой судьбой отца и в отдельные моменты при сдаче анкетных сведений предстоящего поступления в партию испытывают особый моральный гнет.

Поэтому я как мать и жена убедительно прошу вас пересмотреть и разобратся в деле Дойникова А.А.

К. Дойникова

08.02.1955 г. Горький, Свердловский район, ул. Пискунова, д. 3 кв. 5.

Реабилитация пришла 19 августа 1956 года. Отец был полностью реабилитирован (посмертно). Нам впервые стало известно, что, находясь в Соловецкой тюрьме, отец, вторично осужденный особой тройкой УНКВД Ленинградской области, по ее негласному решению был приговорен к расстрелу 4 ноября 1937 года. Только спустя 20 лет мы узнали о его смерти, так как массовые расстрелы соловецких заключенных по решению ленинградской тройки были выполнены с нарушением норм законности, без суда и следствия, и факт смерти, а также место захоронения расстрелянных, тщательно скрывались до конца 1956 года.

После реабилитации отца я получил доступ к архивным документам и решил узнать подробности гибели отца. Однако, этих подробностей я не получил, так как к этому моменту все архивные документы, касающиеся деятельности ленинградской тройки, из дела моего отца были выведены и отправлены в новое дело по обвинению виновников массовых соловецких расстрелов в 1937 году.

Из архивных документов, поставленных генеральным прокурором СССР перед Военной коллегией Верховного суда СССР, был вопрос о судьбе печатных трудов моего отца: были ли эти печатные труды изъяты из обращения как якобы антисоветские или продолжали быть востребованы как полезные пособия по организации и развитию советской высшей школы. Реабилитационная комиссия провела огромную работу для ответа на этот вопрос, с привлечением работников Главлита и квалифицированных педагогов из педагогических вузов страны, и сделала вывод: «Все книги Дойникова А.А. написаны в духе тех организационных установок, которые давались в те годы Наркомпросом в области школьной работы и педагогики: никаких антисоветских утверждений, примеров и иллюстраций в его работах не обнаружено. Они были всегда востребованы и не изымались».

Таким образом, было показано, что принципы, заложенные при организации первой советской школы высшего образования советскими учеными-педагогами 30-х годов (в том числе и моим отцом), прошли проверку временем и оказались способными в короткий срок вывести нашу страну на первое место в мире по раз-

работке самых наукоемких технологий, включая авиацию и космонавтику.

После реабилитации отца я работал по производству, испытаниям и совершенствованию всех типов самолетов-перехватчиков семейства МиГ. Неоднократно был в заграничных командировках для выполнения государственных контрактов, заключенных с дружественными странами по организации лицензионного

Владимир Аркадьевич Дойников

производства самолетов, а также по поставке самолетов в горячие точки. С этими заданиями был в Китае (1959–1960 гг.), Индии (1972, 1978, 1979 гг.), Ираке (1984, 1985 гг.).

В 1976 году я был принят в члены КПСС. С 1988 года – кандидат наук. Диссертацию защитил на тему: «Имитационный метод контроля бортовых РЛС в условиях самолетостроительного завода». После защиты диссертации занимался разработкой и внедрением ряда новых прогрессивных технологий по наземным и летным испытаниям самолетных РЛС, которые не имеют аналогов в мировой практике и защищены патентами ОАО НАЗ «Сокол». Награжден орденом «Знак Почета» и медалями «Ветеран труда», «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина», советско-китайской дружбы. Дважды лауреат премии имени Т.Ф. Сейфи. Имею 17 изобретений, защищенных авторскими свидетельствами и патентами. Опубликовал 5 научных трудов. Являюсь лауреатом Всероссийского конкурса «Инженер года» по результатам 2006 года (организованного на стыке двух веков) и записан в реестр профессиональных инженеров России в номинации «Авиация и космонавтика».

В настоящее время мне 84 года. Став пенсионером в 1984 году, я продолжал работать ведущим инженером СВЧ. И сейчас, уйдя на отдых с 2011 года, не теряю связи с заводом и работаю по реализации важнейшей заявки на изобретение, касающейся испытаний РЛС дальнего действия в условиях малоразмерных полигонов.

В браке с 1961 года. Моя жена, Дойникова Елена Михайловна, 1937 года рождения, до пенсии работала инженером-строителем. Имею двух дочерей, двух внуков и одного правнука. Старшая дочь, Ирина, окончила Горьковский медицинский институт и по распределению была направлена в Мордовию. Сейчас работает заместителем главного врача в центральной районной больнице. Ее дочь Елена работает в школе учителем истории и учится заочно в аспирантуре. Младшая дочь, Наташа, окончила экономический факультет Нижегородского государственного университета, работает казначеем в управлении Федерального казначейства по Нижегородской области.

Брат мой, Лев Аркадьевич (1926 г. р.), до конца жизни был управляющим крупным строительным трестом Башкирии. Ушел из жизни в 2010 году. Семья его, состоящая из двух детей, четырех внуков и трех правнуков, живет в Уфе. Пять человек из его семьи имеют высшее образование.

Перебирая в памяти трудную судьбу моих родителей, низко кланяюсь педагогам 30-х годов прошлого века, которые ценой своей жизни сумели отстоять новые принципы советской школы по воспитанию молодого поколения нашей страны в духе стойкости, честности и беспредельной верности нашей Родине. Вся наша семья глубоко благодарит тех, кто искренне и бескорыстно помогал нам пережить самые трудные моменты нашей жизни. К сожалению, многих из этих замечательных людей уже нет в живых. Вечная им память!

Нина Васильевна ЗАВАЛЬНЮК

Мой дедушка, Сергей Хомович Приходько, был офицером в царской армии. Бабушка Елена, как говорила моя мама, была попова дочь. Оба они были образованные, воспитанные, у них было восемь детей (мой папа был вторым ребенком). У них было крепкое хозяйство, своя мельница, прекрасный дом, дружная, правильная семья.

Мой отец, Василий Сергеевич Приходько, родился в 1911 году в селе Никитовка Пожарского района Приморского края. Мама, Екатерина Митрофановна Приходько (девичья фамилия Яровая), тоже родилась в Никитовке в 1919 году. Отец дружил с мамины-ми старшими братьями. Глядя на маму, он говорил как бы шутя: «Моя невеста растет». В 1932 году семейство Сергея Хомовича Приходько раскулачили и всех членов семьи сослали в Амурскую область. Они поселились там на станции Ин. Дом Приходько в Никитовке сделали конторой. Отцу тогда был 21 год, маме — 13 лет. Уезжая, отец подошел к маме и сказал: «Я уезжаю, но обязательно приеду, когда ты вырастешь».

В Хабаровске отец поступил в железнодорожный техникум и подрабатывал на городской железной дороге. В январе 1936 года он женился на маме. Они были очень красивой парой — оба высокие, статные. От папиной работы им дали квартиру. В 1936 году родилась моя старшая сестра Вера, а через год отца в должности мастера железной дороги из Хабаровска перевели работать на станцию Ин, где жили его родные.

Василий Приходько

Семья Приходько была работающая, дружная, без вредных привычек. За год они вместе построили нашей семье отличный дом, где 29 октября 1938 года родилась я. А через два года родился наш младший брат Вова. Отца на работе уважали, его фотография висела на Доске почета. Когда началась Великая Отечественная война, он не был призван в армию, поскольку у него была бронь.

Арестовали отца в 1942 году. Ночью постучали в окно и сказали, что срочно вызывают на работу. Мама вышла в коридор и открыла дверь. В дом вошли люди, усадили отца на стул, сделали обыск. Отец сказал маме, чтобы она не волновалась: «Это ошибка, недоразумение, там разберутся, ты береги детей». Ему тогда был всего 31 год, мужчина в полном расцвете сил и здоровья. А мама в 23 года осталась с тремя детьми на руках. Младшая родная сестра отца, Мария, жила в соседнем поселении Новокуровка, муж ее, Захар Бухановский, работал сотрудником НКВД, но даже он ничем помочь не смог. По своим каналам Захар узнал, за что взяли отца. Оказалось, что на него было два доноса, даже было известно от кого. В доносах говорилось, что мастер в депо ДВЖД Василий Приходько во время обеда рассказывал анекдоты (как написали, «политические»), а еще накануне забил поросенка и не сдал шкуру государству, а осмоллил. Следовательно, он враг народа.

Мама и родственники ездили к отцу, где он находился, пытались помочь, привозили еду. Захар, муж папиной сестры, сказал, чтобы мама с детьми срочно уезжала, так как и ее заберут, а детей растолкают по приютам. Боясь за детей, мама срочно уехала с одним узлом вещей в село Большой Селан Пожарского района Приморского края (сейчас это село называется Нагорное). В этом селе жил со своей семьей родной брат мамы Петр Митрофанович Яровой. У них был небольшой дом, а семья большая, пятеро детей. Мама купила хороший дом в конце села, с большой усадьбой.

На селе быстро узнали, что приехала семья врага народа. Нас обижали сверстники, учителя, даже родственники. Через три года наш дом подпалили. После пожара остался только сруб. Мы жили в сарае у дяди. Два года стоял обгоревший сруб, пока с фронта не приехал контуженный сосед Иван Осадчий. Он устроился работать в колхозе конюхом. Мама и его жена дружили. Сосед и мамин брат сделали крышу дома, как смогли оштукатурили стены, а мы с сестрой Верой побелили. Мой младший брат умер. От всех потрясений, горя, переживаний, нервных стрессов, слез, голодной жизни мама стала резко терять зрение. Когда я училась в третьем классе, у мамы уже была инвалидность первой группы по зрению, поэтому всю работу мы с сестрой Верой делали сами. Мама нас учила, как и что делать, и мы делали. Чтобы не умереть от голода, весной на колхозных полях мы собирали оттаявшую картошку и делали черные лепешки, жарили на сковороде без масла (его просто не было), высушивали на веревочке на чердаке, и это нас спасало от голодной смерти. Мы хорошо знали, какие травы съедобные. Готовили суп и лепешки с них, собирали колоски на колхозных полях, в скирдах искали стручки сои, ели ее сырую. У нашего дома была земля, которую мы с сестрой (мне было семь лет) вскапывали весной, по маминим советам сажали огород, пропалывали. Как я помню, в основном мы сажали картошку, кукурузу, подсолнухи. Я росла с постоянным чувством голода и холода. Зимой в нашем доме вода в ведре замерзала, а чтобы посмотреть в окно, надо было пальчиками отогреть замерзшее стекло или долго дуть. Спали мы на одной кровати «валетом», чтобы согреться, укрывались одеялом с головой. Выращенный картофель подмерзал, и тогда нас выручала кукуруза. В качестве дров из соседнего леса мы носили валежник, пилили вместе с мамой. Все детство в доме я была «мужичком». Что-то загородить, прибить доски в заборе, наколоть дрова – это были мои обязанности. Мама не могла, а у Веры не очень получалось. До 4-го класса я была очень закомплексованная – всех боялась, сторонилась и в школе, и на улице. Но время шло, я стала забывать, что я дочь врага народа, и с пятого класса обидеть себя и сестру уже никому не позволяла. Привыкла не жаловаться, когда холодно и больно.

Сестры Любовь и Евдокия

Пионерские галстуки мы с сестрой не носили, как детей врага народа нас в пионеры не принимали. Вечера нам освещала семи- или десятилинейная керосиновая лампа, и хорошо, если было у нее стекло, которое необходимо было чистить каждый день. Радио (тарелка) и электричество появились в нашем доме, когда я училась в шестом классе. Мы не унывали, мама знала много песен, хорошо пела и нас учила петь. Почти каждый вечер при чуть горевшей керосиновой лампе мы пели песни, рассказывали друг другу о том, что и где прочли интересного. Часто к нам приходили наши подружки, так как у нас было интересно. Бранных слов в нашем доме никто не слышал. Мама нас воспитывала правильно, без злобы. Одеты мы были в старенькую одежду, но всегда чистенькие. Мама нас учила всему: танцевать, шить, вышивать, варить еду – всему, что могла сама. А еще мы учились у нее терпению и выдержке.

От отца мы редко получали письма. Заключение он отбывал в Сибири, где строили железную дорогу, – в местах Облучье и Бира. К нему по возможности на несколько дней приезжали его родные, подкармливали. Оставить еду и уехать было нельзя, поскольку тогда ему ничего могло не достаться. Когда первый раз родным разрешили к нему приехать, отец уже не работал, сидел

около какого-то здания, как говорила сестра отца Марина, ноги у него были отекавшие, «как шпалы».

Освободился отец в конце 1952 года. Вернуться к нам ему не разрешали в течение трех лет, и отец был вынужден уехать в Новосибирскую область, в город Барабинск. Была зима, шел учебный год, у отца там не было ни кола ни двора, и мы в селе полураздетые. Под диктовку мамы я писала ему о том, что мы с сестрой окончим учебу и летом приедем к нему, и чтобы отец нашел там какое-нибудь жилье. Но до лета отца согрела какая-то женщина с квартирой. Для всех нас это была очередная травма, мама сильно переживала. Он писал, что маму он очень любит, но, видно, такая судьба.

Через три года, примерно в 1955–1956 году, отец приехал к нам в отпуск. Это была трогательная встреча. Позже он взял нас с сестрой в Амурскую область к своим родителям, братьям и сестрам. В 1988 году я по работе была в Красноярске на курсах усовершенствования врачей и на пару дней ездила в Барабинск к отцу. Он был уже очень слаб.

Приходько Василия Сергеевича, осужденного по статье 58-10 ч. 2 УК РСФСР по приговору военного трибунала ДВЖД от 26.11.1942 г., реабилитировали 17 ноября 1989 года постановлением президиума Хабаровского краевого суда.

Уже давно нет с нами родителей. На их долю выпали очень тяжкие испытания. Царствие им небесное и вечная память. Они были честные, порядочные люди, любили друг друга, своих родных, детей, Родину. Мы с сестрой выросли, выучились, вышли замуж. Вера окончила медицинское училище и работала медсестрой в областных больницах Владивостока и Петропавловска-Камчатского. Она ветеран труда, сейчас на пенсии и живет в Нижнем Новгороде. Я окончила Владивостокское медицинское училище, фельдшерское отделение, и сразу поступила в институт. После окончания института работала в Уссурийске в инфекционной больнице и затем с 1966 года – в областной детской поликлинике № 1 Петропавловска-Камчатского сначала врачом-лаборантом клинко-диагностической лаборатории, а затем заведующей клинко-диагностической лабораторной службой до ухода на пенсию.

В 1998 году переехала в самый красивый город России – Нижний Новгород. Я ветеран труда, проработала в системе здравоохранения 41 год. Мой сын Олег родился в Петропавловске-Камчатском, там же окончил среднюю школу, а в Киеве – институт инженеров гражданской авиации. У него двое детей, моих внуков, которых я безмерно люблю. Надеюсь, что они вырастут достойными своих отцов, дедов и прадедов. Я хочу, чтобы они были счастливы.

Антонина Архиповна ЗЕМЛЯНИЧНАЯ

Я родилась 22 августа 1939 года в Казахстане, куда мои родители были высланы в 1930-е годы. До раскулачивания жили они в Саратовской области – в селе Богородское Духовницкого района. Мой отец, Архип Игнатьевич Голенков, родился 25 января 1909 года. Мать, Александра Яковлевна Голенкова (Косырева), родилась 6 мая 1901 года. Поженились они в феврале 1917 года. Жили дружно и с уважением друг к другу..

У отца было три брата. Старший брат, Самоил, погиб на войне в 1914 году. Второго брата, Никиту, арестовали в 1937 году. С тех пор о его судьбе ничего не известно. Третий брат, Николай, погиб во время Великой Отечественной войны. Их отца Игната раскулачили и отправили в Соловки. Так вышло, что по дороге (высланные шли пешком) дед сел под деревом отдохнуть и замерз.

По рассказам родителей, привезли их в Карагандинскую область в скотских вагонах и выгрузили в чистом поле, где не было никаких построек. В то время у них было уже двое детей: дочь Люба, 1921 года рождения, и сын Саша, 1927 года. Вместе им пришлось переживать и холод, и голод. Многие вынужденные переселенцы умирали прямо на улице, так как у них не было жилья. Мать рассказывала, что на неделю им давали на одного человека кусочек хлеба, который они должны разделить на каждый день. Брат был совсем маленький и просил у сестры, чтобы она дала ему хлеба – «хотя бы с комариную ножку». Мать варила суп с лебедой, спали они в вырытой яме (когда просыпались, счищали с себя слой снега). Потом переселенцев распределили по посел-

Семья Голенковых.
Антонине несколько месяцев

кам, в которых начали образовываться колхозы. Уже в поселке в 1936 году в семье родителей появилась дочь Валентина, а через три года родилась я. Помню, как в детстве нам подолгу приходилось стоять в очередях за хлебом. В качестве одежды мы носили в буквальном смысле обноски или то, что подавал кто-нибудь из соседей в обмен на мытье полов или какую-нибудь другую работу.

Когда я пошла в первый класс, Валя уже училась в четвертом. Обувь тогда была не у всех. Помню, если на улице были лужи, мы с племянницей ждали, когда кончатся уроки у Вали и она нас перенесет, поскольку на ней были отцовские сапоги.

Во время Великой Отечественной войны отца забрали в трудармию в Караганду. В 1945 году призвали в армию нашего старшего брата, Александра, где ему пришлось принимать участие в войне с Японией и служить на Востоке около восьми лет. После войны отец забрал маму и нас с сестрами из колхоза в Караганду.

Семья Голенковых:
отец – Архип Игнатьевич,
мать – Александра Яковлевна,
их дочери – Валентина (14 лет)
и Антонина (11 лет). 1950 год

У нашей матери был брат Степан Яковлевич Косырев. Он был военным. К сожалению, маме так и не довелось с ним встретиться, они только переписывались. Во время войны в 1945 году он дошел до Берлина. У нас осталась его фотография. Ему приходилось скрывать, что у него есть сестра, которая раскулачена и выслана в Казахстан.

В середине 50-х годов брат Александр вернулся из армии. Вскоре его и еще шесть человек отправили на строительство ТЭЦ в город Дзезказган, где он обосновался и проработал до пенсии начальником смены в котельном цехе. Прожил брат 80 лет, похоронен в Дзезказгане. Мать ушла из жизни в 59 лет, все пережитое серьезно сказалось на ее здоровье. Рано не стало и старшей сестры, Любви.

После восьми классов я пошла на курсы счетоводов, или, как сейчас говорят, бухгалтеров. Мне тогда шел семнадцатый год, и братья меня на работу после шестимесячных курсов желающих не было. Но я так была уверена в своих знаниях, что всех уверяла, что самостоятельно сделаю баланс. И мне повезло – соседка уходила в декрет и привела меня на свое место. Главный бухгалтер проверил, умею ли я делать все операции на счетах, и по итогам проверки взял в расчетный отдел по начислению зарплаты. После школьной скамьи было непросто сидеть по десять дней подряд до восьми-девяти часов вечера не

Антонина Архиповна Земляничная с братом Александром

вставая. На работу приходилось ходить в фуфайке, но стыдно не было.

Сегодня все это позади. Я смогла продвинуться до главного бухгалтера и в настоящее время, будучи уже на пенсии, все еще работаю бухгалтером в ТСЖ. У меня двое детей. Муж, к несчастью, ушел из жизни в 39 лет (трагически погиб в дорожной катастрофе). Детей пришлось поднимать самой. Обе дочери получили образование. Старшей, Наташе, в этом году будет 50 лет, она живет с сыном. Младшая дочь, Ольга, с мужем живет в Австралии.

Юрий Аркадьевич ЗЕРНОВ

Наша семья Зерновых проживала в селе Большое Поле Воскресенского района Нижегородской области. У деда, Павла Федоровича, и бабушки, Анны Епифановны, было 8 детей: Аркадий, 1900 года рождения, Серафима, 1904 года рождения, Николай, 1907 года рождения, Евгений, 1908 года рождения, Зина, 1909 года рождения, Вениамин, 1913 года рождения, Сергей, 1918 года рождения, и Анатолий, 1923 года рождения.

Мой папа, Аркадий Павлович Зернов, в 1928 году женился на маме, Татьяне Николаевне Романовой, и в 1929 году у них родилась дочь Зоя. Старшие и младшие Зерновы занимались частнопредпринимательской деятельностью в сельском хозяйстве. Все необходимое для жизни (овощи, рожь, овес, ячмень, просо, лен) они выращивали на участке земли, который был в распоряжении семьи. Когда не было работ в поле, женщины пряли лен и ткали из пряжи вещи. Из льна изготавливали домотканую одежду, постельное белье, скатерти, полотенца и пр. В зимний период дед Павел Федорович занимался изготовлением древесного угля. Для этого в лесу заготавливались дрова в два-три метра длиной, их привозили на усадьбу, выкладывали пирамиды, ставя бревна на торец, и снаружи обкладывали дерном и землей. Дальше внутри пирамиду поджигали. Нужно было постоянно следить, чтобы получился уголь, а не зола. Готовый уголь отвозили на базар в район. Сыновья во всех работах помогали своему отцу. В хозяйстве было две лошади, две коровы, поросята, овцы, птица. Семья была большая – одиннадцать человек.

Евгения Павловна
Зернова

Вениамин Павлович
Зернов

Настали времена организации сельских коммун. Пять семей в Большом Поле (в том числе и семья Зерновых) решили объединиться и организовать свою коммуны. Папа был председателем этой коммуны. Обработку всех земель членов коммуны, выращивание урожая и его уборку вели коллективно. Урожай же, собранный с какого-то участка, отдавался только тому, кому раньше принадлежал этот участок.

В 1926 году дедушка умер. Главой семьи стал мой отец, Аркадий Павлович. При организации колхозов он вступил в колхоз и согласно постановлению передал в коллективное пользование лошадей и инвентарь: сани, телеги, плуги, бороны, сбрую и т. д. Председателем колхоза был избран охотник, самый бедный человек села. Он всю жизнь занимался охотой и не имел представления о том, что такое сельское хозяйство. Дела в колхозе шли ни шатко ни валко...

В 1930 году в администрацию села Большое Поле пришло постановление президиума Нижкрайисполкома о раскулачивании в селе шести семей. В эту разрядку попала и семья Зерновых. После подачи документов на раскулачивание нашей семье из Нижнего Новгорода пришел ответ: «...мы таких крестьян не раскулачиваем». Тогда комиссия села по раскулачиванию к тому, что было написано в первый раз, добавила то, чего никогда не было. А именно: что наша семья ежегодно имеет наемную рабочую силу до 13 человек и что мы подпольно торгуем хлебом (зерном). После этого разрешение на раскулачивание из Нижнего все же пришло. Семья была раскулачена, лишена избирательных прав и выслана на спецпоселение в Кировскую область, в Кайский район, на лесозаготовительные работы. Это

случилось в марте 1934 года. Семье для переезда выделили три повозки – под багаж, под продовольствие и под людей. В третьей повозке ехали пятилетняя Зоя (моя сестра) и 64-летняя бабушка. Взрослые шли пешком, изредка по одному или по двое подсаживаясь в повозку, чтобы отдохнуть. Путешествие до места назначения продолжалось месяц. Март был холодным, Зоя в дороге простыла и заболела, получила осложнение на уши и частично потеряла слух.

По прибытии на место у семьи Зерновых началась жизнь в бараках без каких-либо удобств под комендантским надзором. Страшно было в чем-то провиниться и попасть на заметку коменданту. Таких штрафников посылали на разбор заторов бревен в реке Кама при молевом сплаве. Целыми днями переселенцы по колено в холодной весенней воде в лаптях (!) растаскивали завалы. Люди часто простывали и болели. После вырубki леса в одном лесопункте лесозаготовителей перевозили в другие лесопункты, такие как Дедовка, Скачок, Порыш, Перерва, Страцево, Волосница, Рудничный. За десять лет отбывания высылки Зерновы переехали с места на место семь раз.

В начале Великой Отечественной войны мужчины нашей семьи были призваны в армию. Николай Павлович воевал в разведке, Анатолий Павлович – на «катюшах», Сергей Павлович служил писарем в штабе в Москве, Вениамин Павлович на заводе «Красное Сормово» участвовал в ремонте техники, прибывавшей с фронта. Мой отец, Аркадий Павлович, в армии не был (имел бронь) и работал агрономом в совхозе, который занимался выращиванием продуктов питания для фронта в селе Волосница Кировской области.

Сергей Павлович умер в 1944 году. Остальные вернулись из армии и занялись мирным трудом. Николай Павлович окончил сельхозинститут в Мичуринске и работал в Ботаническом саду

Сергей Павлович Зернов

Зоя Аркадьевна Зернова

города Горького. Анатолий Павлович работал шофером в Новочебоксарске. Вениамин Павлович работал плотником в затоне Васильсурска.

В 1944 году нашу семью перевезли в поселок Рудничный и в середине года сняли с комендантского надзора. Здесь отец работал агрономом в сельхозцехе горнодобывающего предприятия. На пенсию он вышел в 1960 году. Умер в 1978 году. За отсутствием состава преступления отец был реабилитирован на основании ст. 3 п. «в» Закона РСФСР о реабилитации жертв политических репрессий от 18 октября 1991 года.

Всего в нашей семье было трое детей: старшая дочь Зоя, я – средний сын и младшая дочь, Римма. Зоя Аркадьевна в 1946 году окончила 10 классов Рудниковской средней школы. Побоявшись с плохим слухом ехать куда-то поступать в институт, она устроилась работать на почту сортировщицей на конечной железнодорожной станции Верхнекамская. Проработав там два года, она в один из ненастных весенних дней попала под поезд и осталась без левой ноги. Через три года лечения Зоя уже ходила на костылях и на протезе. Нужно было приобретать специальность, и она поступила в медицинское училище. Окончив его, Зоя работала лаборантом в туберкулезном санатории. Однако этого ей было мало, и она поступила в Пермский медицинский институт и, окончив его с отличием, была направлена на работу в город Дзержинск Горьковской области, где и проработала до пенсии в должности провизора (изготовитель сложных лекарств ручным способом). Умерла Зоя в 1997 году в возрасте 68 лет.

Я родился 19 января 1936 года в поселке Старцево, где через два с половиной года родилась наша младшая сестра Римма. В 1938 году поселок сгорел от лесного пожара, и жителей перевезли в село Волосница, а затем в 1944 году – в поселок Рудничный. Там я пошел в школу и по окончании семи классов поступил в Саракульский лесомеханический техникум. В 1955 году, окончив учебу

и проработав два месяца в леспромхозе механиком, я был призван в армию. Военкомат включил меня в команду для службы в морском флоте, но Москва «не пропустила» меня как сына кулака, и я служил в авиации в Латвии. После армии я заехал в Горький к родственникам и остался здесь жить. Поступил работать на механический завод токарем. Проработав 4,5 года, по призыву комсомола «Молодежь на учебу» я поступил в Горьковский политехнический институт. В эти годы шел набор молодежи, родившейся в годы войны, и во всех институтах был недобор студентов. В 1967 году, окончив институт по специальности «инженер-механик», я вернулся на завод, где работал в должности механика цеха, зам. начальника цеха, и. о. начальника цеха, зам. начальника отдела. На пенсию вышел в 1995 году. Живу в Нижнем Новгороде.

Сестра Римма живет в Перми. Окончив в 1936 году Рудничную среднюю школу, она уехала туда, поступила в техническое училище и, окончив его по специальности «радиомонтажница», поступила на работу на Пермский телефонный завод. В 1964 году Римма окончила Пермский университет по специальности «экономист» и до пенсии работала экономистом цеха. На пенсию она вышла в 1993 году.

Галина Александровна МИХАЙЛОВА

Мои родители – Антонина Константиновна и Александр Георгиевич Мишурины – уроженцы села Золотое, которое расположено на высоком берегу Волги, между Саратовом и Волгоградом. Это было большое богатое село, с добротными большими деревянными домами и хозяйственными постройками. В семьях было много детей, содержали домашний скот, птицу. Обычная крестьянская жизнь до революции. Была еще работа на Волге – водили пароходы, буксиры с баржами.

Папа родился в 1907 году. В их семье было восемь детей: три девочки и пять мальчиков. У мамы, родившейся в 1910 году, было два брата и три сестры. Не знаю, в каком году, но, видимо, в лихие годы революции 1917 года папа, его сестра и братья осиротели – их родителей убили и сбросили в Волгу. Причина – обыкновенная черная зависть. Папу и двух младших братьев воспитывала старшая сестра Анна – моя любимая тетя Нюра, которая впоследствии принимала участие и в моем воспитании, помогая маме. Из Золотого они переехали в Астрахань, где папа окончил речной техникум и работал с 1926 года диспетчером сухогрузной пристани Нижне-Волжского пароходства, был секретарем его партийной организации.

В январе 1931 года родилась я. Я была третьим ребенком, до меня рождались еще две девочки, но ни одна из них не дожила до года. И когда я родилась здоровенькой и живучей, родители, конечно, были счастливы. Мама рассказывала, что, придя с работы,

Слева направо: Евтей Георгиевич, Александр Георгиевич, Тамара (племянница) и Евдокия Георгиевна (сестра папы)

папа сразу же брал меня на руки, нянчился со мной, гулял, купал, называл ласково.

Но недолго пришлось любить ему своего ребенка, а мне, его дочери, никогда не пришлось в сознательном возрасте испытывать отцовской любви. Когда мне было чуть больше года, его арестовали. 28 февраля 1938 года в 4 часа утра пришли незнакомые люди, стали обыскивать квартиру, ничего не нашли, сказав «и конфисковать-то нечего», увели отца. А папа, уходя, повторял маме: «Береги дочь»...

На другой день мама со мной на руках и с тетей Нюрой пошли к тюрьме, куда, по слухам, увозили арестованных. Там была огромная толпа женщин с детьми, растерянных, не понимающих, за что их мужей, сыновей, братьев арестовали. Тюрьма, кстати, находилась близко от нашего места проживания, и мама была там каждый день. Все лето ходила, носила передачи, которые принимали, надеялась что-либо узнать. Женщины перезнакомились, горе сплотило их, на всех одно большое горе. Вдруг стали замечать: то одна не пришла, то другая... Шепотом передавали друг другу: «Арестовали».

Тетя Нюра уговорила маму уехать из города. Денег на проезд пароходом (мама хотела уехать в Золотое, к своим родителям) не было, и она со мной на руках пошла пешком из города на север, через Калмыцкие степи. Шли от одного поселения до другого. Добрые люди помогали, подвозили. Мама хорошо шила, и это помогало иметь приют и пищу. Путь наш продолжался одиннадцать дней. Где пешком, где на телеге добрались мы до населенного пункта под названием Пассаловка. Это в степях между Волгой и Приуральем. Мама нашла работу в колхозе, а меня устроила в интернат. Прожили мы здесь до лета 1943 года. С этого времени я уже помню себя. Заболел мамин отец, мой дедушка, Константин Михайлович. Мы поехали в Золотое, которое от нас находилось сравнительно недалеко, на западе, за Волгой. Немцев разгромили под Сталинградом, и передвижение населению уже разрешалось. Дедушку похоронили, он скончался от ран, полученных на войне. Осенью 1944 года мы с мамой на пароходе вернулись в Астрахань.

Тетя Нюра сохранила нашу квартиру, и мы стали жить все вместе. Мне было уже 7 лет, но в школу меня решили отдать на следующий год, поскольку я опоздала к началу учебного года. В первый класс я пошла осенью 1945 года. А весной кончилась война! Я хорошо помню этот счастливый весенний майский день, День Победы. Было непривычно шумно, радостно, весело. Народ стекался со всех улиц на главную площадь у стен Астраханского кремля. Играла музыка, все пели, танцевали, а в нашем дворе все соседи вынесли столы, поставили в один ряд так, что получился один длинный стол, принесли еду, у кого что было, и праздник продолжался. Этот день в моей памяти остался так ярко, как будто это было совсем недавно.

Возвращались с фронта отцы, братья, сыновья. На мой вопрос «Почему не возвращается мой папа?» мама и тетя отвечали, что он пропал без вести. А я ждала его возвращения. Однажды мы с мальчишками и девочками играли на улице в «казаки-разбойники», и один из мальчишек во время какой-то детской ссоры мимоходом бросил мне: «А ты дочь “врага народа”». Я не поняла, почему он так сказал. Прибежала домой, плача, спрашивала: что это значит, почему меня так называли? Мама и тетя успокоили

меня, сказали, что папа мой не враг, что он честный, справедливый, добрый. Его арестовали, но никто не знает за что. Мне они наказали всем говорить, что он пропал без вести на войне. Так я и делала. Заполняя анкету при поступлении в институт, в графе об отце писала: «Пропал без вести». Но при этом все время переживала, что приходится обманывать, боялась, что будет стыдно, когда обнаружат ложь. И хотя в дальнейшем мне никто не говорил, что я дочь «врага народа», внутри меня эта заноза сидела долго.

Александр Георгиевич
Мишури́н

После войны мама обратилась в спецорганы с запросом о судьбе своего мужа. Ей прислали из Северо-Кавказской прокуратуры свидетельство о смерти, где было написано, что Мишурин Александр Георгиевич 1907 года рождения умер в 1943 году от рака горла. А через пять лет после смерти Сталина, в апреле 1958 года, прислали справку от военного трибунала Северо-Кавказского военного округа о том, что дело Мишурина Александра Георгиевича пересмотрено и он реабилитирован посмертно.

Выдали тогда маме деньги в размере двухмесячного оклада мужа, на которые она купила мне наручные часики в память о папе. И потом, уже в 1995 году, загс Астрахани выдал маме повторное свидетельство о смерти папы, где было указано, что он умер 5 июня 1938 года. Причина смерти – расстрел.

Вот так! В том 1938-м мама почти полгода ходила к тюрьме, ждала очереди к следователю, передавала передачи, а ее мужа и моего отца уже не было в живых. 4 мая постановлением комиссии НКВД и генерального прокурора СССР его приговорили к высшей мере наказания по статье 58-6 УК РСФСР. Папе был 31 год. Такова его короткая трагическая судьба, как и многих миллионов таких же умных, честных, справедливых, преданных своей стране, без вины виноватых людей, попавших в жернова сталинских репрессий.

Когда мы в 1944 году приехали в Астрахань, первое время жили трудно, впроголодь. Найти работу маме было сложно, а шить на дому опасно – финотдел ходил и проверял, не занимается ли кто на дому частной работой. Если бы застучали, то надо было платить налог или штраф, точно не помню, только знаю, что платить нам было нечем. Но мама все-таки потихоньку брала заказы и шила дома, а я караулила, бегая, играя во дворе, не идут ли из финотдела. Соседи, спасибо им, не выдавали. Мама сошьет кому-нибудь платье или халат за три рубля, я тут же бегу на базар (так в Астрахани называют рынок), куплю на эти деньги три картофелины, полстакана какой-нибудь крупы, луковицу – вот суп и готов. С семи лет бегала на рынок. А сладости нам, детям, заменяла шелковица, дерево со сладкими плодами – тутовником, похожим на ежевику, только слаще. И мы лазали по этим деревьям, поедая белый или «чернильный» тутовник. Деревья эти росли вдоль тротуаров улиц, так что наедались все. А весной мы ели соцветия душистой белой акации, которые тоже были сладкими. Хлеб был по карточкам, по 300 граммов на человека. Поскольку мама не была трудоустроена, карточку давали только на меня. Чтобы получить эти 300 граммов хлеба, нужно было заранее занять очередь в магазине и караулить, ждать, когда привезут хлеб. Это тоже было моей заботой. Так жили в послевоенные годы. Потом жизнь понемногу стала налаживаться, кажется, в 1947 году отменили карточки на хлеб. Мама устроилась работать в ателье, где сначала шили спецодежду, а потом стали принимать заказы от населения.

А тетя Нюра каждую навигацию плавала на пароходе, работая прачкой при ресторане. У нее было два сына. Старший, Виктор, прошел всю войну. Вернувшись с фронта в 1945 году, он уехал, завербовавшись работать на Сахалин. Там и прожил всю жизнь. Младший, Николай, с 1947 года проходил срочную службу в армии на Дальнем Востоке и до 1962 года жил в тех далеких от Астрахани краях.

В 1949 году я окончила начальную школу, и меня с похвальной грамотой перевели в пятый класс средней женской школы № 30. Рядом с нашей школой находился Дом пионеров, куда мы с одноклассницами пошли записываться в кружки, кто в какой хотел.

Анна Георгиевна и Галя, 1951 год

В балетный меня не взяли, тогда я записалась в биологический. Одновременно занималась в спортивной юношеской школе спортивной гимнастикой. Мы очень любили наш Дом пионеров. Все школьные годы ходили туда: сначала пионерами, а потом и комсомольцами. Само здание было красивым – с лепниной, с пилястрами. Внутри мраморные лестницы с красивыми перилами, большой бальный зал с паркетным полом и с зеркалами по стенам. Там мы разучивали бальные танцы, нас научили слушать классическую музыку, которую исполнял музыкальный кружок. В нашей семье не было тогда даже радио, и сейчас я понимаю, что тот Дом пионеров сыграл в моем эстетическом воспитании важную роль.

В 1955 году сразу после школы я поступила в Астраханский технический институт. После первого курса мы по комсомольским путевкам поехали в Казахстан на уборку целинного урожая зерна. Там, на целине, я познакомилась со своим мужем Владиславом Алексеевичем Михайловым. В апреле 1960 года мы поженились. В этом же году защитили дипломы и получили направление в Горький. Это была моя инициатива. Горький я полюбила со школьных лет, когда плавала с тетей Нюрой на пароходе по Волге.

У мужа было направление на «закрытое» предприятие, которое с 1993 года называется ОАО ЦКБ «Лазурит», а я получила направление на Горьковский хладокомбинат. Отработав на нем три года, я тоже перевелась в ЦКБ «Лазурит», где мы с мужем проработали всю трудовую жизнь, до выхода на пенсию.

Мы начинали работать в недавно организованном конструкторском бюро, куда приехали молодые инженеры разных технических специальностей из разных городов великого Советского Союза. Коллектив был потрясающий, примерно одного возраста, одних интересов. Работа у нас была трудная и интересная – мы проектировали подводные лодки, от дизель-электрических до атомных титановых, которые и сейчас находятся на вооружении Военно-морского флота России.

Жили, трудились, отдыхали как одна большая семья. И сейчас, на пенсии, мы продолжаем общаться и трудиться теперь уже на своих земельных участках, которые мы получили от нашего родного ЦКБ.

Пришло новое время. наших отцов и нас, их детей, реабилитировали, сняли клеймо «враг народа». В 1995 году УФСБ Астрахани разрешило нам с мамой ознакомиться с делом моего отца. Мы узнали, что папу приговорили к расстрелу за участие в какой-то шпионской группе. Находясь в ФСБ, держа в руках это страшное для нас дело, мы, конечно, очень волновались и мало что поняли и запомнили. Ясно было одно, что дело сфабриковано, отца лишили жизни ни за что.

Мама мне потом сказала: «А мы думали, что отца арестовали из-за старшего брата». И тогда я впервые узнала, что самый старший брат папы, Евтей Георгиевич, в 1913 году был послан в Америку учиться. Когда в России произошла революция, он остался в Америке. В 1931 или 1933 году он приезжал в Россию повидаться с родными. Как сложилась судьба Евтея Георгиевича в Америке, неизвестно. Ведь было время, когда нельзя было переписываться с родственниками, живущими за границей. Да и говорить боялись о таком родстве. А хотелось бы узнать. Но уже не у кого. Все ушли из жизни.

Моя незабвенная тетя Нюра, Анна Георгиевна, умерла в 1979 году. Мама, Антонина Константиновна, ушла из жизни в 1996 году. Они всегда в моей памяти: мама, склоненная всю жизнь за швейной машинкой, и тетя Нюра, стиравшая в корыте чужое белье. У них я научилась трудолюбию, терпению и смирению. И когда в моей жизни случаются трудности и хочется пожалеть себя, я тут же вспоминаю моих горячо любимых маму и тетю. И мне становится стыдно. Благодаря им я глубоко люблю своего отца и горжусь им. И всю жизнь чувствую его любовь через людей, окружавших меня.

Свои воспоминания я хочу закончить строчками из стихотворения-посвящения моей любимой тете Нюре.

*О тете Нюре – особая память.
Святой это был человек!
Умом своим тонким
Нам путь указала:
«Отсюда вам надо уйти», – сказала.
Мы тронулись в путь, в неизвестность,
Надежды совсем никакой...
А тетя молилась, молилась, молилась.
В колхозе нашли мы с мамой приют и покой.
Народ нам помог, и остались мы живы.
Но нынче, за давностью лет,
Нам трудно представить,
Что все, что там было,
Мог сделать один человек!*

Это стихотворение написала Галина Ивановна Окунева, прекрасный человек, сормовичка, член нашего общества пострадавших от политических репрессий и реабилитированных. Благодарю ее от всего сердца!

Фаина Зиннатовна САМАТОВА

Я родилась в селе Темясово, первой столице Башкирской Советской Республики. После победы Октябрьской революции началась Гражданская война. На Урале против Советов воевали Колчак и белочехи. Против них выступили башкирские военные части. В феврале 1919 года в Москву выехала делегация для подписания договора с центром. Переговоры продолжались месяц, и 23 марта 1919 года в газете «Известия» был опубликован текст постановления, в котором Башкирия получила статус автономии со столицей в селе Темясово.

Башкиры вели полукочевой образ жизни. Их совершенно не интересовали земли, где были зачатки промышленности (Златоуст, Магнитогорск и т. д.). Они отошли Челябинской и Свердловской областям. Поэтому на карте Башкирия напоминает резной лист.

Село Темясово было расположено в горах, в труднодоступном месте. В связи с наступлением Колчака Башревком был эвакуирован в Саранск. Когда все вернулись из эвакуации, столицей республики был назначен Стерлитамак. Город Уфа – третья и окончательная столица Башкирской автономной республики.

Мой отец, Ильясов Зиннат Ганеевич, родился в 1911 году в крестьянской семье. Он был инвалидом детства, сильно хромал, поэтому его не призвали на фронт. Родители его разводили скот, благо необъятные лесные массивы, река Сакмара позволяли трудовым крестьянам непрерывно развиваться. Уход за скотиной – это непрерывный труд, без выходных, от зари до зари. Отец

вместе с братом и двумя сестрами работали наравне со взрослыми. Дед был очень строгим и требовательным, но понимал, что сыновья должны быть грамотными. Старший брат, Файзрахман, окончил церковно-приходскую школу. Он был единственным башкиром, которому за большие способности позволили учиться. Мой отец тоже получил неоконченное высшее агрономическое образование. С 1932 года работал преподавателем Баймакского педагогического училища. В 1936 году получил назначение на должность заместителя директора по заочному обучению.

Зиннат Ганеевич Ильясов

Сначала 3 июля 1941 года арестовали папиного брата и, осудив его по статьям 58-10, 58-11, сослали на 10 лет с поражением в правах на 5 лет. Из ссылки он не вернулся. В 1943 году один из преподавателей педучилища написал донос на группу своих коллег. В результате забрали шесть преподавателей, в том числе и моего отца. Это произошло в августе, а в сентябре родилась я.

В трудовой книжке отца записано: «Освобожден от деятельности зам. директора по заочному обучению Темясовского БПУ на основании решения райкома ВКП(б)». Осудили их Верховным судом Башкирского АССР 1 января 1944 года по статье 58-10 ч. 2 УК РСФСР и приговорили к 10 годам лишения свободы с поражением в правах на 5 лет.

В справке об освобождении, датированной октябрём 1953 года, написано, что отец отбывал наказание в Амурской области. На самом деле он сидел в Монголии. В лагере их совсем не кормили, только отпускали ровно на час. Папа рассказывал, что бежали они к лесу, подбирая по дороге все: коренья, траву и пихали все в рот. Он сильно хромал, я всегда представляла, как он бежал последним, а назад – раньше других, чтобы не опоздать. Но вопреки всему он выстоял. Вместе с ним отбывали наказание ученые из Москвы и Ленинграда. Они не бегали в поисках еды, занимались научной работой. Никто из них не выжил, все умерли с голоду.

Гатия Ильясова в школе

Незадолго до смерти отец сказал, что все и всех прощает, но не может простить, что немецких пленных кормили, а их нет. Мама часто вспоминала и жалела женщину – партгорга училища. Ее посадили на 5 лет за потерю бдительности. Из лагерей она не вернулась.

После лагерей отец жил на поселении в Казахстане. Я с ним познакомилась только в 1957 году. После ареста отца мы с мамой переехали в Оренбургскую область к родственникам. Поселились у снохи, жены маминого брата. Он был военным кавалеристом и погиб в боях за Ленинград. Председатель колхоза, узнав, что мы семья «врага народа», требовал, чтобы она выгнала нас. Он не допускал ее до работы в колхозное поле за трудодни-палочки, прогонял пинками домой. Нам пришлось уехать. В школе я училась семь лет, поменяв четыре школы.

Мама, Гатия Ильясова, была учительницей начальных классов, но ей приходилось учить детей и физике, и немецкому языку, лишь бы к работе допускали. Она была хорошей учительницей, давала прочные знания, дети любили ее. Учителя старших классов спорили друг с другом, чтобы преподавать в ее выпускных

классах. Придаться к ее работе не могли, но на сокращение штатов мама была всегда первой кандидатурой.

Ко мне в школе относились хорошо, только у жены третьего секретаря райкома больше оценки «3» я не получала. Наверное, по этой причине 7 классов я окончила на «пятерки» с одной «четверкой» по русскому языку. Потом училась в машиностроительном техникуме. После окончания, пока отработывала три года по специальности «техник-конструктор», поступила на заочное отделение физмата педагогического института. В результате я 34 года проработала в школе учителем математики и черчения. Работа мне очень нравилась, я получила звание «Учитель-методист». 17 лет работала завучем по учебно-воспитательной работе. Занималась общественной работой: была председателем профкома школы, руководителем методического объединения учителей математики, агитатором, принимала участие в художественной самодеятельности, Ветеран труда.

У нас с мужем две дочери, четыре внука и одна внучка. Так получилось, что родители наших зятьев рано умерли. Выйдя на пенсию, мы все свободное время посвятили внукам. В сложные 1990-е годы мою дочь с тремя детьми не брали на работу. Чтобы как-то решить этот вопрос, ей пришлось письменно заверить работодателя, что она не будет брать больничные по болезни детей. Сейчас они уже выросли. Один внук учится в аспирантуре, другой – в Москве, двое – в Нижнем в университете, внучка – в 11-м классе. Вырастив внуков, я занялась общественной работой в организации «Защита прав жертв политических репрессий Московского района», являюсь членом Совета общественного самоуправления микрорайона «Авиационный», веду занятия по здоровому образу жизни. Несмотря на тяжелое детство, я прожила хорошую жизнь. Очень надеюсь, что еще поживу, увижу, как сложится жизнь моих детей, внуков, какой станет наша многострадальная Россия.

Зоя Андреевна ШОПИНА

Я родилась в 1936 году в Кировской области Поломского района в поселке № 2. Мой прадед, Николай Васильевич Кобылин, в возрасте 90 лет, полузрячий, считался середняком. В 1917 году у него убили на войне троих сыновей и двух зятьев. Он жил со снохой и несовершеннолетними внучатами. Отец мой, Андрей Иванович Кобылин, рос без отца, так же как и моя мама. Их поженили, когда маме было 17 лет, а отцу — 16. Стали они жить в доме прадеда.

В 1930 году прадед попал под раскулачивание. У него все отняли и выгнали семью на улицу: сноху, вдову Степаниду Николаевну Кобылину, троих несовершеннолетних детей и 20-летних папу с мамой. Под конвоем среди прочих «кулаков» сопроводили старших и младших Кобылиных в непроходимую тайгу Кировской области. Там для раскулаченных был выстроен барак без окон, с нарами, в котором и разместили 180 человек под охраной внутри и снаружи.

Когда я родилась, молодым матерям декретный отпуск не давали, и меня оставляли со стариками. Кормить меня было нечем. Вместо соски давали мятую картошку с кожурой или заворачивали в тряпицу опилки. В 1941 году отца взяли на фронт, а в конце 1942 года женщин с детьми стали отправлять на родину. Мама нас привезла в Починковский район Горьковской области. Мы продали что смогли и купили домик в 9 метров. В колхозе не было тогда ни машин, ни тракторов, лошади падали замертво. Колхозные поля порой пахали на женщинах. Дети тоже работали кто

Зоя Андреевна Шопина

кем. Меня в шесть лет научили жать серпом и делать кирпичи. С первого по седьмой класс школьники – все до единого – работали за «палочки» вместе с родителями.

Я росла без отца с четырех лет – он погиб на войне. Всего нас у мамы было трое. Время было тяжелое, в колхозе за работу ничего не платили, купить что-либо было не на что, картошку, что уродится, сдавали за налог (мы видели ее только в супе). «Палочки» считались трудоднями, и на них в колхозе ничего не давали. Когда я окончила школу-семилетку, меня, 14-летнюю, привезли «в чужие люди» в Горький зарабатывать на кусок хлеба. Поставили на учет, так как надо было платить налоги. Я подала документы в ФЗО от мукомольной мельницы № 1 на улице Гаршина около Ромодановского вокзала и поехала в сельскую местность по вызову получать паспорт. Потом приехала в Горький, сдала экзамен и прошла медкомиссию. Проучилась месяц, была прописана в общегитии. Но неожиданно нас (меня и еще двоих) сократили и взяли на наши места других.

В тот момент и начались мои похождения. Я была в горсовете, прокуратуре, на Воробьевке и в областной милиции. В результате меня прописали на квартире, но на работу нигде не принимали. Наконец мне удалось устроиться в областную типографию, очень помог старый производственник Матвей Иванович Кечкин. Здесь я выучилась на печатника, работала наравне со всеми в две смены.

За работу была награждена министерской медалью «За трудовое отличие», медалью «Ветеран труда» и другими наградами и похвальными грамотами. От производства была избрана депутатом Нижегородского райсовета, депутатские обязанности выполняла в свободное от работы время. Работа в типографии тогда была очень тяжелой физически (формы по 40 кг), да и условия труда были вредные (свинец, химикаты). В результате накопилось немало заболеваний. Пока позволяло здоровье, несколько лет работала старшей группы с реабилитированными нижегородцами.

СОДЕРЖАНИЕ

Ароян Норай Гургенович	3
Бакунов Иван Васильевич	8
Гофман Герман Германович	12
Губина Тамара Петровна	16
Гуськова Мария Федоровна	19
Дойников Владимир Аркадьевич	23
Завальнюк Нина Васильевна.....	35
Земляничная Антонина Архиповна	41
Зернов Юрий Аркадьевич.....	45
Михайлова Галина Александровна.....	50
Саматова Фаина Зиннатовна.....	58
Шопина Зоя Андреевна.....	62

ЛИНИЯ СУДЬБЫ
Воспоминания детей «врагов народа»

Восьмой сборник

Формат 60×84 1/16
Тираж 100 экз. Заказ № 359

Отпечатано в типографии ННГУ им. Н.И. Лобачевского
Нижний Новгород, Б. Покровская, 37

*Мнение авторов сборника может не совпадать
с мнением редакции*